

«Бисквитный террор оппозиции»:
дискурс страха (и дискурс о страхе)
в рунете в 2015–2016 гг.

В статье анализируется категория «страха» в контексте ее присутствия в российском сегменте Интернета в середине 2010-х гг. Автор рассматривает речевые ситуации, в которых слово «страх» (а также «угроза», «опасность» и производные от этих слов) оказывается инструментом, помогающим интерпретировать происходящие события. На основании разных типов высказываний (заявления известных медиаперсон, комментарии интернет-пользователей, визуальные материалы) автор выделяет два основных дискурса, в которых по-разному конструируется субъект «страха».

Ключевые слова: медиасобытие, страх, модальность, контроль над дискурсом.

В последние годы многие общественные дискуссии возникают и разворачиваются в пространстве Интернета, в особенности в блогах и социальных сетях. Часто они оказываются реакцией на актуальные события или на заявления известных медиаперсон. Также нередко новостная повестка переводится на язык мемов и различных интернет-шуток, которые уже сами по себе становятся материалом для новостной заметки¹. В этих текстах могут актуализироваться не только разные проблемные темы, но и определенные страхи, опасения и ожидания.

Поэтому, пытаясь «замерить» культурные представления современного россиянина, мы предлагаем обратиться к анализу социальных сетей и комментариев интернет-пользователей. Какие события вызывают активную реакцию или полемику в российском сегменте Интернета? Какие значения и смыслы возникают в обсуждениях и оказываются важными для интернет-пользователей?

Можно ли выделить определенные культурные категории, которые регулярно воспроизводятся в медиапространстве?

Так как нас интересуют общезначимые и воспроизводящиеся категории, мы настраиваем широкий масштаб рассмотрения проблемы и не ограничиваемся каким-то одним источником или определенной социальной группой. Материал, с которым мы работаем – это интернет-высказывания медиаперсон и комментарии пользователей, которые сделаны на популярных интернет-платформах. Пытаясь, с одной стороны, охватить разные типы высказываний, мы в то же время ограничиваем себя конкретным рядом медиасобытий, который может быть хронологически и тематически дополнен.

Основной тезис статьи заключается в том, что в конце 2015 – первой половине 2016 г. в российском сегменте Интернета оказывается актуальным дискурс страха и дискурс о страхе. Мы проведем анализ речевых актов, в которых возникают понятия «страх», «угроза», «бесстрашие» и семантически близкие к ним слова. Контексты этих речевых высказываний будут объединены актуальной новостной повесткой и конкретными медиасобытиями.

В ноябре 2015 г. Петр Павленский, современный российский художник-перформер, провел в Москве на Лубянской площади акцию «Угроза», которая заключалась в том, что он поджег дверь главного здания Федеральной Службы Безопасности. В тот же день он опубликовал в социальной сети Фейсбук свой комментарий, который затем был воспроизведен (не всегда полностью) во многих статьях об этой акции. В его комментарии понятие «страх» занимает ключевое место. Павленский утверждает, что террористическая угроза проистекает со стороны власти и силовых структур, а «горящая дверь Лубянки — это перчатка, которую бросает общество в лицо террористической угрозе». Павленский выступает от лица «общества», состоящего из «свободных людей», которое для него противопоставлено «слипшейся массе разрозненных тел», угнетенной страхом. В этом небольшом тексте действующими лицами – и подлежащими в предложениях – являются «общество», «ФСБ», «страх», «угроза», «военные суды», «терроризм», «защитный рефлекс», «жизнь». При этом Павленский не говорит о себе как об отдельном субъекте, но встраивает себя в общее «мы».

Марат Гельман, российский галерист и арт-менеджер, комментируя эту акцию, конструирует другие отношения между Павленским, обществом и властью, между «я» и «мы»². Гельман так же, как и Павленский, соотносит себя с обществом, но утверждает, что «мы ничего не можем, мы бессильны» и «нас мало». С другой сто-

роны, есть «даже один человек», который «что-то может» – Петр Павленский. Он «показывает силу слабого человека, которая все-таки существует». Павленский отделяется от «общества», от «мы», и начинает в тексте Гельмана говорить только от своего лица. Это разделение можно заметить и в комментариях интернет-пользователей: «Нет в России общества», «Это не вызов общества, это глас вопиющего в пустыне», «К сожалению, это не общество. Это один храбрый “безумец”» (Фейсбук). Далее можно найти комментарии о бесполезности этого поступка: «130 миллионов из них (россиян. – В. П.) уже бегут с огнетушителями» (Фейсбук). Некоторые пользователи социальных сетей, которые в принципе не разделяют идею акции, начинают тем не менее использовать установленный Павленским язык: «мне ФСБ вообще никак не угрожает и страха я никакого не чувствую» (Новая газета).

В приведенных выше примерах акция и комментарий Павленского переосмысляются через понимание «страха» в качестве того, что человек находит или не находит в себе и с чем ему нужно бороться. Однако есть и другие высказывания, где предполагается, что страх способно испытывать само государство. В этих комментариях пользователи Интернета утверждают, что сам Павленский угрожает власти: «Удивительно, но наша власть не знает, как его запугать и поэтому сама боится его» («Новая газета»).

В середине января 2016 г. разворачивалась другая медийная история, где идея «страха» (а также «бесстрашия») оказывается также важна. В начале января глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров опубликовал в своем Твиттере следующий пост: «...представители так называемой внесистемной оппозиции пытаются нажиться на сложной экономической ситуации. К таким людям надо относиться как к врагам народа, как к предателям. У них нет ничего святого». На следующий день в Фейсбуке появляется пост красноярского депутата Константина Сенченко, который заявляет, что Рамзан Кадыров назвал его «врагом России» и призвал отдать под суд», так как он (Сенченко) занимается политикой и не состоит ни в одной партии. Этот пост эмоционален и считается как ответ на слова Кадырова: Сенченко обращается к нему на «ты» и называет «позором России».

Этот «ответ» не получил бы медийный резонанс, если бы не предыстория высказываний Рамзана Кадырова и не наличие уже существующих значений и мифов вокруг его личности. В комментариях к посту красноярского депутата Сенченко повторяется мотив опасности: «Весьма смело... Надеюсь для Вас не опасно... Горячая кровь у вашего оппонента», «Да, Костя, КРУТО! и опасно, очень

опасно!», «Константин, Вы очень смелый человек, Вы сказали все, о чем я думаю» (Фейсбук). Интернет-пользователи подчеркивают смелость этого «поступка» и, как и в истории с Павленским, его единичность.

Спустя день после публикации данного поста информационные агентства и вслед за ними новостные сайты заявляют, что Сенченко извинился перед Кадыровым. Новость распространяется вместе с видео, которое Кадыров выложил в Инстаграм, и его же комментарием: «Я принимаю». Сенченко, отвечая на последовавшие от журналистов вопросы, утверждает, что этого видео не существует и он не приносил извинений. Однако потом он добавляет, что все-таки разговаривал с неким высокопоставленным человеком и понял, что был слишком резок в своем высказывании о Кадырове. Настрой комментариев интернет-пользователей меняется, но дискурс остается прежним: «Смелости депутату хватило на 3-4 дня))))...», «Просьба к редакции уточнить: было ли извинение на самом деле? Или К. Сенченко в опасности?».

Для нас в данном случае не так важно, что было «на самом деле». Интерес представляют смыслы, которые возникают в интернет-дискуссиях. После «извинений» Сенченко интернет-пользователи начинают ставить вопрос о том, «нормально» ли бояться. Модальность разговора о «страхе» меняется, и теперь людей волнует не столько необходимость (или бессмысленность) борьбы, сколько моральный вопрос – имеет ли человек право на страх, если тем самым он защитит себя и своих родных. Часто в комментариях повторяется идея «выживания», которой пользователи оправдывают извинения Сенченко. В то же время для общей линии разговора эти извинения несущественны, потому что важен тот «поступок», который Сенченко уже совершил: «Слово правды прозвучало – и это уже немало...».

Позже, в начале февраля, было совершено нападение на российского политика и лидера оппозиционной партии Михаила Касьянова. В Интернете появилась фотография с камеры видеонаблюдения в ресторане и комментарий пострадавшего: «Неизвестные несливянской внешности в количестве десяти человек бросили в меня торт, выкрикивая угрозы в мой адрес, после чего скрылись на автомобилях». Этому инциденту предшествовала публикация Рамзаном Кадыровым в Инстаграме фотографии Касьянова с наложенным на нее оптическим прицелом, который включает контексты наблюдения (слежки) и угрозы в адрес того, кто «под прицелом». На этом фоне инцидент с тортом получил отчетливо двойственную интерпретацию – и как угрозы и как шутки. Михаил

Касьянов оказался в пассивной позиции того, над кем смеются и кого фотографируют (и снимают на видео). Появляется большое количество иронических высказываний, в которых прослеживается тема угрозы и «страха»: «Тортов бояться – на мост не ходить», «Бойтесь кавказцев, торты приносящих», «Бисквитный террор оппозиции» и другие³. При этом формат шутки позволяет, разрешает говорить о страхе как о «нормальном» чувстве, происходит своеобразная легитимация «страха» как состояния.

Меньше чем через месяц, в конце февраля 2016 г., подобная «шутка-угроза» произвела обратный эффект, когда неизвестные люди бросили два торта в Алексея Навального. Информация об инциденте появлялась на новостных сайтах вместе с комментарием и фотографией самого Алексея Навального: «...Только что у входа в наш офисный центр какие-то клоуны зафигачили в меня два торта и разбежались врассыпную. Надо было видеть, как я шел до офиса и поднимался в лифте и какие были лица у тех, кто меня встречал. Зато все в ФБК теперь хотят делать со мной селфи». Навальный переписывает шутку и в отличие от Касьянова смеется над собой. Он не использует категории, связанные со страхом или угрозой (в свой адрес), и не говорит о собственной позиции как об оскорбленной. Навальный создает из этой ситуации медиасобытие, используя технологии новых медиа и визуальной коммуникации (он сразу делает селфи, которое затем сопровождает многие статьи об этом инциденте). Более того, он становится основным действующим лицом в этой ситуации – описывая напавших на него людей, он говорит, что они «разбежались врассыпную» и презрительно называет их «клоунами», т. е. помещает их в подчиненную позицию. Так Навальному удается обрести контроль над вербальным и визуальным дискурсом.

В то же время интернет-пользователи, комментирующие данное происшествие, не оставляют в стороне вероятность присутствия реальной опасности: «Совсем не смешно, торт может быть отравленным, и все, что хочешь» («Новая газета»). Многие подчеркивают «бесстрашие» Навального, но вместе с этим пытаются вписать данную историю в более широкий контекст: «Рад, что Навальный это [так в тексте комментария. – В. П.] иронизирует и даже фото в Инстаграм выложил, но на фоне последних событий в России веселого здесь мало» («Новая газета»). Так или иначе, идея страха в комментариях пользователей воспроизводится через уверенность в том, что существует «реальная» угроза.

Можно сказать, что в 2015–2016 гг. в российском сегменте Интернета благодаря тематическим медиасобытиям присутствуют

категории страха, угрозы, бесстрашия и т. д. В одном случае производится дискурс страха, т. е. «страх» и другие близкие к нему категории являются частью того языка, на котором говорят люди, и элементом объяснительной модели по отношению к происходящим событиям. Так, в комментариях интернет-пользователей регулярно встречаются слова, связанные с оппозицией «бояться/не бояться». И несмотря на то что в некоторых контекстах ставится вопрос о том, имеет ли человек право бояться, эти категории понимаются как нечто само собой разумеющееся. В итоге многие пользователи принимают доминирующий дискурс и занимают подчиненную позицию (т. е. соглашаются с тем, что что-то является «страшным», угрожающим).

С другой стороны, некоторые медиаперсоны производят дискурс о страхе – переворачивают позиции субъекта и объекта страха и показывают альтернативные стратегии поведения. В описанных нами случаях так делают Петр Павленский и Алексей Навальный. Они производят метадискурс, выводя категорию «страха» в пространство общественного обсуждения, или переприсваивают этот дискурс, меняют контексты и модальности высказывания.

Примечания

- ¹ Имеются в виду подборки реакций интернет-пользователей, которые составляются новостными платформами.
- ² Сошествие благодатного огня [Электронный ресурс] // Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27353028.html> (дата обращения: 05.09.2016).
- ³ «Касьянов уже не торг»: Реакция соцсетей на метание десерта в лидера партии ПАРНАС [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/02/10/kasianovreaction/> (дата обращения: 05.09.2016).